

22.11.05

5

Фрейндлих Алиса

ГОСТИНАЯ "НГ"

Народная газ. — Беларусь — 2005 — 22 нояб. — с. 4

Разговор с "Розовой Дамой"

Русский театр не удивишь той наэлектризованной тишиной в зрительном зале, которую артисты иногда называют "сотворчеством". Но в тот вечер, когда в рамках "Золотого витязя" на этой сцене шел спектакль "Оскар и Розовая Дама" по Эрику Шмитту, тишина была... невыносимая. Не знаю, что почувствовала великолепная Алиса ФРЕЙНДЛИХ, когда, разрушая иллюзию полной реальности того, что происходит на сцене, в зале хамски завопил чей-то соловей. Но я, каюсь, хоть и постыдилась за родную публику, зато с облегчением вспомнила, что все "понарошку", что я смотрю спектакль. Еще немного этого гипнотизирующего действия, этой пронзительной боли, которая в начале спектакля была чужой и театральной, а в конце стала твоей и подлинной, еще немного этой тишины — и, казалось, загорелись бы колосники.

тствует элемент театральности. Есть даже некоторая риторика, которую трудно предположить исходящей из уст десятилетнего ребенка при всем его умудрении в связи с болезнью. Она — авторская, шмиттовская. Это придает спектаклю сходство с притчей. Я считаю, это не минус, это только укрупняет план действия.

— Алиса Бруновна, как вы выдерживаете одна два акта такого напряженного, психологически тяжелого действия? Ведь под конец даже из зрительного зала смотреть спектакль становится все больнее — можно представить, каково играть... Как вы потом приходите в себя?

— Этот спектакль действительно забирает очень много энергии. Скажу вам даже такую абсолютно "кухонную" подробность: если мне хватает сил на первый акт, то на второй я выматываюсь и, как воздушный шарик, выпускаю воздух. Или если первый акт не задался, то во втором, злясь на себя, начинаю добавлять спектаклю тонуса. А после него у меня на некоторое время наступает некая тупость, когда я никого не вижу, никого не слышу, ни на что не реагирую. Но, с другой

стороны, чувство такое, знаете, как когда тяжелый экзамен сдал — и все, каникулы, можно радоваться. Такое вот почти детское чувство... А может, оно как раз и есть самое пенсионное?! И вот этот покой, который воцаряется внутри после спектакля, — он и есть отдых.

— Алиса Бруновна, как вам минский зал? Чувствовали вы ответную энергетику минской публики?

— Зал очень порадовал. Тишина была совершенно замечательная. Для меня это вообще, если честно, самый главный критерий. Если зал способен на эту изумительную тишину — самая лучшая реакция. Бывают залы, готовые воспринять юмор, который, безусловно, есть в этом спектакле и через который, собственно, вся эта трагедия просеивается. Есть залы, неспособные смеяться, даже если у людей возникает такое желание — юмору мешает страх перед самой темой драмы. Разные есть зрители. Но вот эта тишина, когда кажется, что никого в зале нет, есть только энергетический ток, больше ничего... она для меня самое главное. И в Минске она была.

— Над какими ролями вы сейчас работаете?

— В театре пока пауза — и слава Богу, есть возможность аккумулировать силы, предыдущие два сезона у меня были очень насыщенные. Вслед за "Двенадцатой ночью" я работала над "Оскаром и Розовой Дамой", над "Квартетом" по пьесе Рональда Харвуда. Что касается кино — только что закончились съемки фильма "Полторы комнаты" по автобиографической повести Иосифа Бродского. Там мы с Сергеем Юрским играем родителей Бродского — в то время, когда Иосиф был еще ребенком, потом подростком... Забавно, пять "Иосифов" нашли для съемок — от маленького мальчика до юноши...

— А ведь не так давно у вас, если не ошибаюсь, был период затишья в работе, длинной в несколько лет. С чем это было связано?

— Да, было несколько лет, когда я практически не имела в кино ни одного предложения. Ну, кроме полного безобразия, на которое нельзя соглашаться. А в театре как раз настала та пауза, тот возрастной рубеж, когда молодых ты играть уже не можешь в силу паспортных данных, а до стариков еще не дожил, надо еще немножечко сгорбиться, постареть, чтобы перейти на эти роли. В драматургии для этого возрастного регистра ролей очень мало. Поэтому, проходя его, все актрисы "голодают" по ролям. Потом происходит "перескок на другой поезд" — и опять начинается жизнь...

Татьяна АХРЕМЧИК, "НГ"

Оскар — это десятилетний мальчик, умирающий в больнице от рака после неудачно сделанной операции. Розовая Дама — или, как он ее называет, "Розовая мама" — единственный человек, кого ему не тягостно сейчас видеть, ведь она не боится его, умирающего, не прячет глаза, не лжет, не рыдает. И постоянно рассказывает ему умиротворяющие истории, которые всегда оказываются "в тему" того, что происходит с Оскаром, и помогают ему не опускать руки перед трудностями.

— Алиса Бруновна, вы нашли эту постановку или она нашла вас? Вы ведь вышли в спектакле "Оскар и Розовая Дама" на сцену после двадцатилетнего расставания с театром им. Ленсовета.

— Предложение играть этот спектакль мне поступило от театра им. Ленсовета. Я потолковала с руководством Большого драматического, и Кирилл Лавров отпустил меня на эти "каникулы". Так состоялся этот спектакль. Я сама бы, наверное, до этого произведе-

ния Шмитта не докопалась.

— В спектакле "Оскар и Розовая Дама" у вас совершенно точные интонации, жесты, мимика ребенка... где вы это подсматривали и подслушивали, когда готовились к роли?

— Я попросила моего внука, он мне прочитал одно из писем Оскара, а я записала это на кассету. И этой основы оказалось достаточно, чтобы что-то прихватить. А потом ведь вокруг них, детей, столько... только слушай! Конечно, в том, что говорит Оскар, прису-